

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

«...Он узнаёт наследье родовое» 6

Глава 1

Ведьмы, колдуны и знахари 19

Глава 2

Нелюдь и нечисть... И где она обитает 59

Глава 3

Травология: магия растений 91

Глава 4

Заклинания: магия слова 179

Глава 5

Защита от темных искусств и болезней:
магия предмета 229

Глава 6

Защита от темных искусств и болезней:
магия действия 259

Вместо заключения 297

Источники иллюстраций 300

Введение

«...Он узнаёт наследье родовое»

Откуда берется интерес современного человека к магическим снадобьям и ритуалам? Чего мы лишились, обретя благо современной цивилизации, какую утрату пытаемся восполнить, перебирая (руками или мысленно) пучки сушеных трав?

У нас есть достижения современной медицины, благодаря которым продолжительность жизни заметно увеличилась, а старение замедлилось. Несмотря на это, тема травничества становится все более популярной, а сайты о лечебных и магических свойствах растений множатся как сорняки, заглушая своим обилием научную информацию. Автор этой книги лично находила рассказ о целебных свойствах аконита без упоминания о том, что растение крайне ядовито, — и было бы страшно представить последствия подобного «лечебного» зельеварения. Остается лишь уповать на то, что интерес к целебным свойствам трав у большинства читателей таких статей останется теоретическим.

Причин же этого интереса можно выделить две.

Первая — это всеохватная тоска цивилизованного человека по природе. Как только уровень жизни горожан становится достаточно высок, они немедленно начинают воспевать природу, и в первую очередь — дикую, лишенную следов воздействия человека.

В идеале эта девственная природа должна располагаться прямо за окном — или хотя бы ее имитация, что делает профессию ландшафтного дизайнера чрезвычайно востребованной.

Разумеется, такая роскошь во все времена была доступна немногим. Так, в эпоху Хэйан в Японии (X век) посреди усадьбы аристократа непременно тек ручей, над которым склонялись столетние ивы, а по его берегам лежали замшелые валуны. Когда в Европу пришла эпоха романтизма, то подобное полюбили и в Англии. Садовники с величайшей искусностью перевозили дубы из лесов в усадьбы, не повреждая корни, — так же, как за столетия до них это делали в Японии. Другой формой любви к природе был регулярный французский парк, и, хотя гулять там могли немногие, восхищались им люди самых разных сословий: так, знаменитые коммуны социалиста-утописта Шарля Фурье подозрительно напоминают Версаль с его роскошными садами, он же мерещится нам за словами Маяковского «Здесь будет город-сад!».

Для большинства горожан любовь к природе — это любовь именно к природе в духе Версаля: к парку с цветниками, без единого сухого листа и тем более без гнилых коряг (играющих важную роль в живой экосистеме). В такой природе никто не умирает, увядшие цветы заботливо удаляют садовники, — в ней нет ничего уродливого. Так возникает основа для мифа о доброте природы. А еще горожанин круглый год может купить любой продукт в магазине, ему незнакомы проблемы сезонного голода и неурожая.

Относительно реальной «доброты» природы можно привести простой пример. Если у самки зверя или птицы родилось больше детенышей, чем она способна выкормить, то она не кормит слабого. С точки зрения сохранения вида она поступает правильно: обеспечивает выживание самого жизнеспособного. Человек же, увидев такое, пожалеет слабого детеныша и, возможно, попытается его выкормить. В этом принципиальное различие природы и цивилизации. Последняя ставит целью выживание всех, включая слабейших, и горожанин, тоскуя по идеализированной природе,

в своем воображении наделяет ее качествами цивилизации, отторгая противоречащие этому факты.

Итак, первая причина тяги современных людей к зельеварению — стремление привнести хоть какую-то частицу природы в свою жизнь, причем природа воспринимается ими в лучших традициях Жан-Жака Руссо — как добрая мать (этот миф сформулировал именно он). Это любовь не к реальной природе, а к природе прекрасной и стерильной, и подлинные объекты все чаще заменяются пластиковой имитацией.

Однако есть и вторая причина, едва ли не более существенная.

Современные средства, которые должны сделать нас здоровее и красивее, какими бы эффективными они ни были, лишены эмоциональной составляющей. Таблетки с противоположным действием могут выглядеть совершенно одинаково. Пасты и шампуни «с травами» выглядят точно так же, как и «химические». Даже у еды — стандартная упаковка, стандартизированный вкус. Обычный горожанин не задумывается о том, что именно это сделало продукты доступными круглый год. Для него это часть проблемы, действительно страшной: отсутствия эмоциональной опоры в жизни.

Эта проблема возникла не вчера. Ее корни уходят в XIX век, в эпоху промышленного переворота, который, породив сначала чудовищную нищету среди пролетариев, в итоге обеспечил изобилие современного города. Эту проблему исключительно точно сформулировал Федор Тютчев, причем в то время, когда в России она еще только маячила на горизонте культуры:

*...И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью темной.
На самого себя покинут он —*

*Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое, живое...*

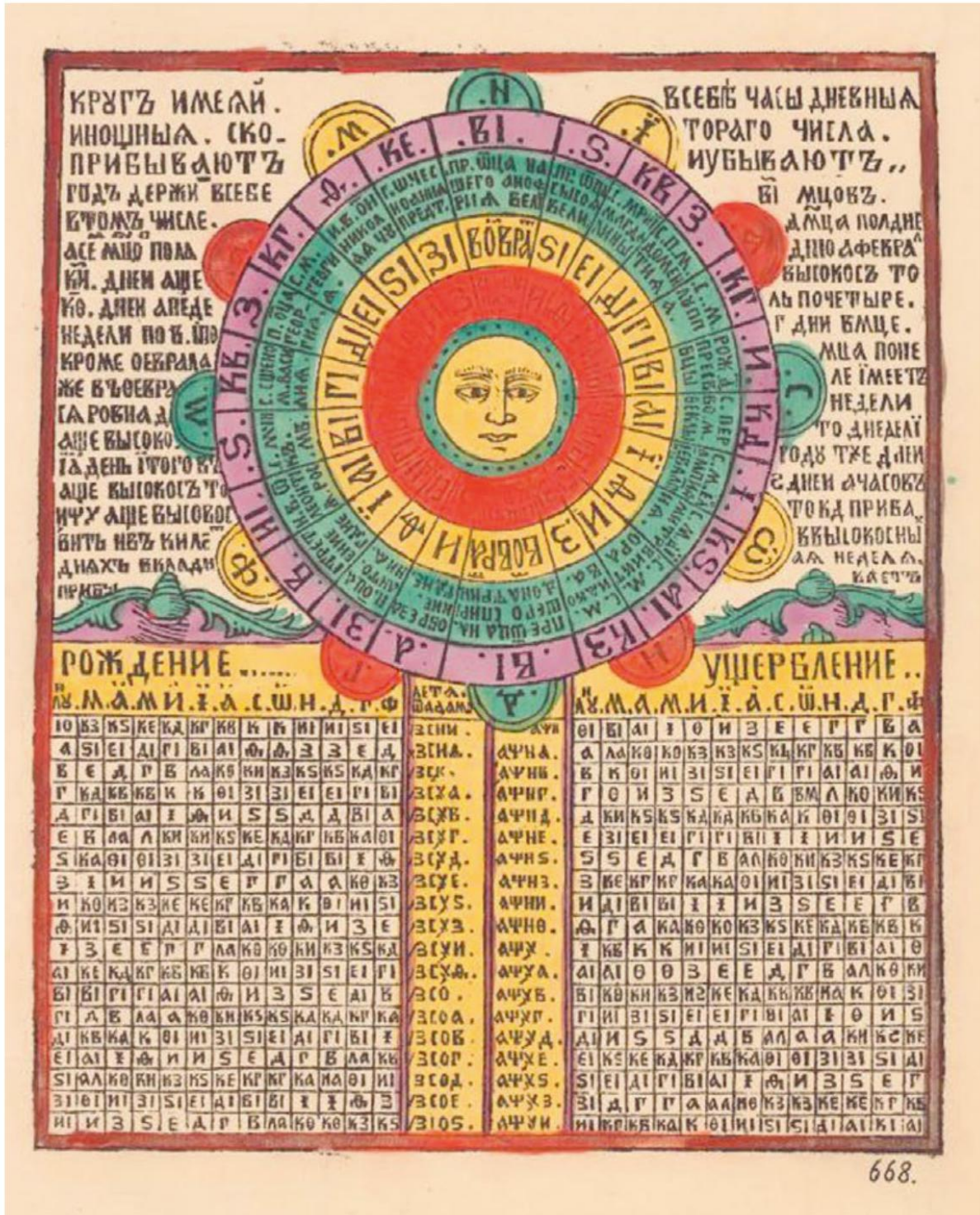
Что это за «светлое и живое», которого лишился житель мегаполиса?

Это мир традиционной культуры, мир деревни. Разумеется, столь же идеализированный, как и природа. Однако мы сейчас не будем говорить об ужасах реальной деревни (речь об этом пойдет в книге дальше), мы рассмотрим те преимущества, которые были у нее перед городом в XIX–XX веках и которые стремится воссоздать город XXI века.

Принято считать, что современный человек страдает от постоянного стресса, а вот у наших далеких предков этой проблемы не было. Однако если представить себе реальную жизнь деревни с ее катастрофической детской смертностью, болезнями, бедностью, неурожаями, то наши жалобы покажутся неуместными. И тем не менее стресс — действительно бедствие современной городской цивилизации. Почему?

Потому что жизнь крестьянина представляла собой регулярное чередование труда и праздника. Это была жестко выстроенная система эмоций, где радость и печаль прописаны в календаре. Более того, эти эмоции всегда переживались коллективно, они имели заранее заданные формы проявления — крестьянин в любой ситуации четко знал, как он должен выражать свои чувства, будь то страх за урожай или радость от его сбора, любовь или ненависть, счастье после рождения ребенка или горе после смерти близкого человека. Все эти эмоции облекались в известные с детства слова, часто — в форму песни, и сопровождались ритуалами. Это

Календарь 1749 года. Лубок

помогало крестьянину выживать и сохранять психологическую устойчивость в мире постоянного риска, а горожанин, говоря словами Тютчева, покинут на самого себя.

Кроме того, жизнь крестьянина была жестко привязана к календарным циклам, и это давало ему то самое ощущение стабильности, по которому тоскует современный горожанин.

Крестьянин точно знал, какая работа его ждет в тот или иной месяц, в то время как горожанин либо вынужден делать одно и то же круглый год, либо постоянно сталкивается с новыми задачами. Однако если размеренность и предсказуемость сельского труда еще можно воссоздать, хотя бы выращивая цветы на даче, то поиск надлежащих форм для выражения чувств — это проблема, которая стоит перед современной цивилизацией крайне остро. Именно она лежит в основе глобального интереса к традиционной культуре, породившего, среди прочего, и эту книгу.

Современный город все лучше понимает, каким спасением от стресса могут быть календарные ритуалы. Ярче всего они представлены у виккан — последователей неоязыческого учения викка, возникшего в США в середине прошлого века. Основа викканской календарной практики — Колесо года, восемь праздников, четыре из которых имеют кельтское происхождение (Самайн — 1 ноября, начало зимы; Имболк — 1 февраля, начало весны; Бельтайн — 1 мая, начало лета; и Лугнасад — 1 августа, начало осени), три — скандинавское (Йоль — зимнее солнцестояние, Лита — летнее солнцестояние и Остара — весеннее равноденствие), а восьмой — Мабон, осеннее равноденствие, — является чисто викканским, не имеющим аналогии в народной культуре, поскольку сентябрьский праздник урожая у крестьян был приурочен к собственно сбору урожая, а не к какой-то календарной дате. Пример с Мабоном хорошо показывает, как различается мировоззрение тех, кто работает в поле, и тех, кто покупает еду в супермаркете. На страницах книги мы встретим радикальные расхождения между викканскими представлениями, прочно вошедшими в современную культуру, и взглядами наших предков. К сожалению, викка позиционирует себя как «древнее учение», и в этом качестве становится объектом критики (сам факт того, что современность

трансформирует традицию, порождая новые духовные течения, разумеется, ничуть не плох).

Итак, то «светлое, живое», о котором тоскует город и которое пытается возродить современная культура, это, говоря научным языком, эмоциональная структурированность мировосприятия: мир должен представлять собой череду будней и праздников, причем каждый праздник должен быть связан с проживанием конкретной эмоции, и это проживание должно быть коллективным.

И мы вплотную подходим к проблеме новой коллективности, или, совсем по-современному, «деревни 2.0».

Часто можно услышать, что в традиционной деревне якобы все относились друг к другу по-доброму, а в современном городе мы настолько одиноки, что не знаем даже соседей по лестничной площадке. И то и другое не совсем верно. Взаимопомощь действительно была основой жизни в деревне, но причина ее лежала не в альтруизме, а в том, что в условиях ручного труда только слаженные действия здоровых людей могли дать необходимый результат. Забота о других членах коллектива была залогом выживания каждого. При этом деревенский социум крайне тираничен, он требует быть «такими, как все», не выделяться, не отступать от правил. И готовность помочь соседу — это форма демонстрации лояльности. Если же человек выбивается из коллектива, то его ждет травля (речь об этом пойдет в первой главе книги).

Промышленный переворот переселил людей в многоквартирные дома и действительно лишил их деревенского чувства единства, поскольку уничтожил его основу — коллективный ручной труд. Пока соседи по дому были людьми одной профессии, одного социального слоя, общность еще как-то сохранялась (танцы в городских дворах прекратились примерно в 1970-е годы), позже разобщенность горожан достигла максимума.